

Нино Пирцхалава

ИНТЕЛЛЕКТУАЛЫ И НАЦИОНАЛЬНАЯ ПРИНАДЛЕЖНОСТЬ. ЯВЛЯЮТСЯ ЛИ ГРУЗИНСКИЕ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЫ СОВЕТСКИМИ ИНТЕЛЛИГЕНТАМИ?

Прежде чем приступить к освещению основной проблематики данной работы, было бы целесообразно разобраться в таком принципиально важном моменте, каким является употребление отдельных дефиниций. В первую очередь это относится к столь привычному для западного читателя понятию - "интеллектуал", чему в бывшем советском ментальном пространстве соответствовало понятие "интеллигент", "интеллигенция".

То, что соотношение этих двух понятий носит чисто формальный характер, является очевидным фактом. Достаточно заглянуть в позднесоветский "Философский энциклопедический словарь", где интеллигенция толкуется как "общественный слой людей, профессионально занимающихся умственным... трудом и обычно имеющих соответствующее, как правило, высшее образование" (1).

Таким образом, в так называемый "общественный слой", именуемый в советском государстве "интеллигенцией", мог попасть любой субъект с соответствующим документом, каким являлся диплом, вручаемый после завершения любого высшего учебного заведения. Всякий, будучи вооруженным подобной казенной бумагой, получал доступ в тот "общественный слой людей", который в стране рабочих и крестьян именовался "прослойкой интеллигенции". Следовательно, свидетельство о высшем образовании являлось той визой, которая гарантировала доступ в сферу людей, чьи "общественные функции" заключались "в создании, развитии и распространении культуры" (2).

Чудодейственный диплом зачислял автоматически в ряды "создателей" и "распространителей" культуры и мыслителя, корпевшего над экзистенциальными проблемами бытия, и выпускника ветеринарного вуза. Сама сфера интеллекта оказалась грубым образом расчлененной на два начала - мыслительное и деятельное. Чтобы преодолеть подобный абсурдный дуализм предпринималась еще более несуразная и беспомощная попытка дифференциации общественной среды интеллигенции, вследствие чего возникали все новые понятия, например: "техническая интеллигенция", "сельская интеллигенция", "научная интеллигенция" или же единственный в своем роде и не имеющий аналогов в мире термин - "советская творческая интеллигенция".

Все эти рожденные в потугах искусственные термины предназначались для того, чтобы разграничить и конкретизировать сферу деятельности членов той многомиллионной прослойки, которую диплом вуза иллюзорно делал сопричастной с таинством "создания, развития и распространения культуры".

Следовательно, "интеллигенция" явно превращалась в чисто абстрактно-количественную (квантитативную) категорию, являясь совершенно реально исчисляемой благодаря количеству дипломов на душу населения. Понятие же "интеллектуал" плохо вяжется с абстрактно-количественным принципом, ибо вряд ли можно сосчитать количество мыслящих людей в отличие от составных единиц общественного слоя интеллигенции, т.е. количества людей "профессионально занимающихся умственным трудом".

В отличие от интеллигенции, некоей абстрактно-количественной категории, в понятии "интеллектуал" ярко выражен конкретно-качественный (квалитативный) принцип, прямо указывающий на высшую познавательную способность интеллектуала, т.е. на его способность мыслить (а для этого, вполне очевидно, необязательно обладать дипломом вуза), что в свою очередь подразумевает и обратную сторону этой способности - интеллектуал предрасположен к сравнительному мышлению, а значит к инакомыслию, он потенциальный инакомыслящий. Как раз в этом заключается тяготение интеллектуалов к определенному субверсивному мышлению. Подобная склонность к субверсивности предопределила бунтарский дух и непокорность интеллектуалов. Именно этот дух очень часто лишал молодых интеллектуалов возможности овладеть пресловутым дипломом, ибо нередко были случаи исключения их из вуза за строптивость, и они уже не могли пополнить ряды советской интеллигенции. Впрочем, удачливым сторонникам неромантического представления об интеллектуале, тяготевавшем к чисто количественному методу при осмыслении сущности данного явления, можно было бы напомнить о печальной судьбе, постигшей многих, кто обладал способностью мыслить, однако был полностью лишен дара конформизма. Нередко эти блистательные умы даже при наличии диплома шли работать кочегарами в котельных или дворниками на улице (кстати, Иосифа Бродского судили вообще за тунеядство). К счастью или, может, даже к несчастью, грузинская духовная жизнь почти не знала примеров подобной внутренней эмиграции, обусловленной чувством безысходности и отчаяния. Тем не менее нельзя не вспомнить о духовном, внутреннем протесте известного грузинского режиссера Михаила Кобахидзе, который, после того как снял несколько замечательных фильмов, свое несогласие с культурной политикой режима выразил тем, что бросил свое дело и стал паркетчиком. Так Кобахидзе исключил себя из числа советской интеллигенции, ибо длинный реестр видов и подвидов этой социальной прослойки не включал в себя ни кочегара, ни дворника, ни паркетчика.

Не вызывает сомнения тот факт, что эти изменившие род официального занятия мыслящие люди уже автоматически не могли принадлежать к числу советской интеллигенции. Однако остается открытым один немаловажный вопрос: будучи лишены звания советского интеллигента, переставали ли эти бунтари быть интеллектуалами. Думается, что ответ однозначен - они безусловно оставались ими. Из этого заключаем, что, следуя логике, не всякий интеллектуал мог считаться представителем советской интеллигенции, можно утверждать обратное: не всякий интеллигент, обладающий дипломом, является в обязательном порядке интеллектуалом.

Для субстанциональной сущности интеллектуалов имманентным и детерминирующим является некая пресловутая "общественная функция", а их экзистенциально-онтологическая функция мыслить, что в свою очередь предполагает обратную сторону - инакомыслие, и как раз по этой причине интеллектуалы оказываются обреченными превратиться в разрушителей пребывающего в безмятежно-гармоничном застое общества. Интеллектуал потрясал основы того общественного порядка, где класс рабочих и крестьян разводил и выращивал из своих недр все новые поколения "общественного слоя людей", т.е. интеллигенции, субъектов с определенными общественными функциями, полномочиями, свидетельствами и удостоверениями.

Данная реальность как в зеркале проявилась на всем политическом и культурном пространстве, которое на протяжении более 70 лет именовалось Советским Союзом. Исключением не являлась и Грузия, общественно-политическая структура которой полностью повторяла схему всей коммунистической державы. Как некое социальное явление, грузинская интеллигенция практически не отличалась от всей советской, так же подвергаясь абсурдному членению на разные категории и "подвиды" интеллигенции, от сельской до так называемой "творческой", - "создававшей" и "развивавшей" грузинскую советскую культуру. По крайней мере именно эта высокая миссия и почетная функция возлагалась на нее идеологией режима. Грузинская интеллигенция плечом к плечу с полиэтнической советской интеллигенцией творила нечто, доводя до абсурда сам принцип диалектики, т.е. она творила "по содержанию социалистическую, а по форме национальную культуру". Возведение данной, лишённой всякого здравого смысла формулы в руководящий и направляющий принцип культуры превращал суррогат культуры, так называемый соцреализм, в то прокрустово ложе, в которое оказывалась силой втиснута вся культура, в том

числе и грузинская. И то, что творческой энергией людей тем не менее создавались поистине ценные творения, которые выдерживали любой экзамен и которые выходили за рамки как классовых, так и национальных оценочных рейтингов, было возможно не благодаря, а как раз вопреки нормам соцреализма. С другой стороны, если все-таки в какой-то мере удалось избежать полной примитивизации мышления и творчества, т.е. удалось противопоставить классовой культуре надклассовую, узконациональную - сверхнациональную, признающую над собой лишь примат общечеловеческих ценностей, то это явилось результатом не того, что в Грузии было некое количественное изобилие интеллигенции (хотя в чисто процентном плане Грузия по числу владельцев дипломов вузов первенствовала в советском государстве), а того, что за это дело брались как раз интеллектуалы, люди, обладающие не столько дипломами, сколько способностью мыслить. Духовная же атмосфера общества благоприятствовала их самоутверждению и самовыражению. Потому это не было деятельностью неких отвергнутых одиночек, с трудом пробивающих дорогу своим непризнанным идеям в тотальном интеллектуальном вакууме.

В целом же грузинская интеллигенция как некий социальный, внешнеколичественный феномен по своей структуре, по принципу как внутренней, так и внешней организации соответствовала советскому образцу. Своеобразие и различие существенного, глубинного порядка вырисовываются уже на том этапе, когда абстрактная внешнеколичественная категория заменяется конкретно-качественной, т.е. когда вместо социального понятия "интеллигенция" вступает в силу когнитивное понятие - "интеллектуал". И лишь в данном случае получает моральную легитимацию выдвинутый в заглавии настоящей работы вопрос. Осмысление сложной взаимосвязи национального и интеллектуального начал предполагает разъяснение целого ряда тесно переплетенных проблем.

Чтобы уяснить вопрос - являются ли грузинские интеллектуалы советскими интеллигентами, - в первую очередь следует разобраться в особенностях психологии грузинских интеллектуалов в контексте исторического становления. Это предполагает осмысление пути духовного становления как минимум трех поколений, как в диакритическом, так и в синкретическом планах, в рамках одной исторической эпохи.

Благодаря прирожденной субверсивности, тяготению к критическому мышлению, интеллектуал является в обществе (тем более в тоталитарном или посттоталитарном) своего рода *enfant terrible* (ужасный ребенок). Терзаемое мучительными вопросами бытия, это трудное дитя жизни превращается, если воспользоваться образным выражением Поля Валери, в "интеллектуального Гамлета" (3), так как для него слишком трудно принимать однозначные ответы на неоднозначные вопросы. Это делает его жизнь еще более неуютной в государстве, где царит единое измерение, единое определение параметров, где все подгоняется под готовые, до примитивности прозрачно-ясные формулы вроде той, как создание культуры "социалистической по содержанию и национальной по форме". Подобная формула могла исключительно возникнуть не просто в тоталитарном государстве, но к тому же еще и в многонационально-тоталитарном государстве, что двойными оковами сковывало мысль и творческую энергию. В то же время она приучала сведущие и изощренные умы лукавству подыгрывать абсурдным правилам игры и с определенной простодушной наивностью симулировать социалистическое содержание и национальную форму. Это постоянное полускрытое-полузаметное персифлирование превращалось в некую форму существования, абсолютную модальность, когда высмеивание и самовысмеивание, ирония и самоирония приобретали универсальную доминантность и воплощались в эффектно-элегантную форму. (Бесспорно, феномен грузинского кино и театра времен "развитого социализма", т.е. "застоя", является наглядным тому примером.)

Эта двухслойная, раздвоенная форма мышления усугублялась двуязычием грузинского общества, чем в первую очередь особенно отличалась каста интеллектуалов. Сквозь призму билингвизма (грузинского и русского языков) воссозданная картина познанного мира предопределяла противоречивый, двуразмерный стиль мышления, ибо именно в двуязычии объективировалось самосознание мыслящей личности. Наличие билингвизма воссоздавало простор для (как минимум) двойкой возможности, потенциальности созерцания действительности. Отношение к

действительности, вернее, к действительному, заранее предопределенному порядку уже изначально носило отпечаток раздвоения, расчленения универсума языка и действия.

Являясь носителем билингвизма, грузинский интеллигент одновременно превращался и в носителя бикультурных ценностей. Двуязычие делало его сопричастным к другой культуре, и это носило некий императивный характер. Этот процесс сопричастия вместе с тем сопровождался тайным, может не всегда до конца осознанным, подсознательным чувством тревоги: как бы не раствориться и не исчезнуть в чужом универсуме. Таким образом, императивный характер двуязычия параллельно приводил в действие и самозащитный механизм мышления.

Как раз в подобном, в какой-то мере трагически противоречивом отношении к собственной, предначертанной судьбой двойкой потенциальности (т.е. внутренне присущей имманентной энергии) и заключалась глубинная, диалектическая логика всего образа мышления и формы существования грузинских интеллигентов. Неспособность вникнуть в суть этой внутренней логики приводила к разным несостоятельным обвинениям в их адрес. С одной стороны, они подозревались в яром шовинизме и чуть ли не в русофобии, с другой же (особенно при режиме Гамсахурдиа) - в холопском раболепии и низкопоклонстве перед Россией, отождествляемой с тоталитарной коммунистической державой. Как раз подобное отношение к проблеме и дало повод для того, чтобы навесить на грузинских интеллигентов ярлык "красной интеллигенции". Это оказалось той тяжелой платой, которую грузинским интеллигентам пришлось заплатить за долю определенного конформизма в действиях (удачное и искусное подыгрывание абсурдным правилам игры культурной политики режима) с целью сохранения относительного неконформизма в мышлении.

История двуязычности грузинских интеллигентов началась не 75 лет тому назад, когда бывшая Российская империя вступила на авансцену театра мировой истории в новом облачении, эклектически сотканном из лоскутов национальных одеяний пятнадцати советских социалистических республик. Чтобы наглядно представить этот маскарад, стоит лишь вспомнить так называемые "правительственные концерты" в Кремлевском Дворце съездов, где торжествовала свой подлинный триумф пресловутая "национальная по форме" культура. И в самом деле, в подобных случаях ничего и не было, кроме пестрой оболочки. Лишенная сущности, субстанции, форма, превратившись в некий навязчивый стереотип, была заранее подготовлена, чтобы вместить в себя и выявить любое диктуемое содержание.

Как только Грузия оказалась в составе Российской империи (а произошло это более 200 лет назад), начинается история двуязычности грузинских интеллигентов. И как раз эта, осознанная как личная судьба, выстраданная идея собственного билингвизма не позволяла интеллигентам Грузии на протяжении всех 200 лет полностью идентифицировать себя с Россией в отличие от многих аристократов, военных или государственных деятелей грузинского происхождения, служивших при дворе российского императора или кремлевских властителей. В этом случае происходила полная самоидентификация с державой, несмотря на наличие двух в корне различных родных языков.

Самое сложное соотношение родного языка с феноменом державы в какой-то мере определяет способ существования всех элементов социальной структуры. Грузия, растворенная в единой державе, являлась сферой господства одновременно двух языков - грузинского и русского. Как раз этот момент (наряду с другими факторами) и определил своеобразие духовной жизни Грузии, где не аристократия и вышедшая из ее недр военная и политическая элита, а как раз среда интеллигентов сохранила сознание своей полной идентичности с отчизной.

Лишенная в чуждой державе реальной, деятельной функции - с начала прошлого века вплоть до нынешних дней, - грузинская интеллигентная элита целиком "эмигрировала" в царство фантазии и героического фольклора. Вследствие этого грузинские интеллигенты превратились в неких мифотворцев, и лишь трагикомичная гримаса доморощенного тоталитарного режима националистического толка (1990-1992) самым грубым и бесцеремонным образом отрезвила блаженно пребывавших в царстве грез. Оказавшись вытолкнутыми из этого волшебного царства

своей истории, населенного сплошь мудрыми царями и царицами, а также благородными и отважными рыцарями, интеллектуалы вскоре поняли, что подобное мифотворчество отнюдь не являлось безобидной забавой. Первоосновой подобного мифотворчества являлась некая инверсивность, столь характерная для исторического сознания грузинских интеллектуалов. Инверсивность состояла в том, что поступательное движение, прогресс воспринимался как вперед-направленное-возвращение-назад к идеалу славного прошлого нации с великой традицией державности. Подобная путаница по отношению к временным перспективам явилась первопричиной нарушения баланса в определении параметров.

= В осмыслении собственного исторического прошлого и настоящего у определенной мыслящей части интеллектуалов сформировался некий комплекс, который можно было бы назвать "синдромом Гулливера". Этот синдром дает о себе знать, когда в результате неразберихи и путаницы в организации временно-пространственных перспектив или же в осмыслении причинно-следственных соотношений умозрение вводится в заблуждение. Подобный синдром - первопричина того спекулятивно-оптического обмана или самообмана, когда при определении в историческом ракурсе собственной значимости происходит или гипертрофированное увеличение или же самоуничтожительное уменьшение исконной сущности. Вроде двуединого Гулливера, одновременно исполина и карлика, мечется грузинский интеллектуал между кощунственно высокомерной заносчивостью, именуемой древними греками гибрисом, и самобичующим скепсисом, стремясь докопаться до подлинной субстанциональности своего исторического бытия.

И вновь возникает вопрос: являются ли грузинские интеллектуалы советскими интеллигентами? Ибо на этот вопрос ответ дан лишь частично, лишь в свете личного отношения грузинского интеллектуала к российскому феномену вообще. Поэтому необходимо разобраться в сути еще одного вопроса: произошла ли с течением времени метаморфоза мыслящей части грузин в советских мыслителей? Здесь сразу же следует оговориться, что речь идет не о грузинской интеллигенции, которая как чисто социальное явление гармонично вписалась в государственную иерархию и как внешне, так и формально была более или менее структурирована по образу и подобию всей советской интеллигенции.

Наверное, чтобы ответить на вопрос: являются ли грузинские интеллектуалы советскими интеллигентами - следует несколько иначе расставить акценты и одновременно видоизменить саму формулировку вопроса. В измененном виде постановка вопроса приобрела бы новое звучание: являются ли грузинские интеллектуалы антисоветскими интеллектуалами?

На этот вопрос ответ будет скорее всего отрицательным, ибо Грузия, чаще всех остальных республик бунтовавшая против режима, практически не знала целенаправленного и теоретически обдуманного антисоветского движения диссидентов, т. е. инакомыслящих, которых в традиции правозащитной борьбы именовали антисоветчиками. Считавшие себя правозащитниками, грузинские диссиденты, которые по многу лет провели в разных советских исправительных лагерях, все же оказались далеки от традиционного правозащитного движения, например русских диссидентов. Грузинских диссидентов вообще трудно назвать интеллектуалами. И это еще нагляднее выявилось в ходе так называемого перестроечного и постперестроечного периода, когда этим личностям была предоставлена определенная свобода слова и действия. Они оказались не интеллектуалами (в традиционном смысле этого слова), а эмоциональными ораторами.

Предававшиеся опьянению часто доходившей до демагогии пышно-патетической риторики, они категорически отвергли то, что для всякого интеллектуала является аксиоматичным положением - абсолютный примат истины бытия, - объявив выше этого понятия идею родины и нации. В конце концов вся борьба против коммунистического режима сводилась к национально-освободительной борьбе, что в свою очередь, повлекло за собой полное смещение понятий - Россия и Советский Союз. Как раз в этом вопросе никогда не грешили грузинские интеллектуалы. Для них эти два понятия всегда были более или менее четко разграничены друг от друга. Благодаря присущему им умению с ослепительной изысканностью принять надлежащую элегантную позу, т.е. делать хорошую мину при плохой игре, им удавалось сохранить своего рода свободу шута, ограниченное

право дерзить и шалить. Благодаря парадоксальному стечению обстоятельств, Грузия превратилась в своеобразный периферийный духовно-культурный центр Советского Союза. Здесь за редчайшими исключениями (в отличие от России) практически не было ни запретной литературы, запертой в ящиках письменных столов авторов, ни фильмов, пролежавших много десятилетий на полке. Отдаленность от идеологического центра оставляла люфт для свободы действия, и, как следствие, ярко кроваво-красная тональность идеологии обрела смягченный розоватый оттенок.

Избегая прямых, вызывавших жесткие ответные удары нападков на режим, ставший в послесталинский период менее кровожадным и более вегетарианским, грузинские интеллектуалы оставались верными методу персифляжа, т. е. высмеивания и, более того, самовысмеивания и самоиронии, а это оказывало еще более эффективное, обезоруживающее действие на верных стражей идеологии в центре; те сквозь прищуренные глаза наблюдали за полуопасными-полуневинными шалостями талантливых, избалованных "enfants terribles", этих трудных детей режима из идеологической провинции.

Самой яркой отличительной чертой грузинских интеллектуалов, наверное, можно считать культ хорошего вкуса, что равносильно культу чувства меры. Это предполагает неприязнь ко всякого рода церемонным, парадным, смехотворно напыщенным жестам и позам. Если грузинскому интеллектуалу не был присущ строгий рационализм, то он, к счастью, был более или менее свободен и от другой крайности - от сентиментализма. "Воспитание чувств" общества явно не представлялось ему главным занятием.

Благодаря умеренному сарказму, ироничному скептицизму и афанатичной ментальности, грузинский интеллектуал, не став революционером и воинствующим оппозиционером, ухитрился сохранить равновесие между сферой чистого, абсолютного разума, с одной стороны, и сферой тотального господства чувств, души, - с другой. Как утверждает Герберт Маркузе, там, где возобладает тотальное господство души, там и создается наиболее благоприятная почва для "аффирмативной" (утверждающей) культуры, которая полностью ориентируется на душевную сферу, на человеческую душу. Как раз эту культуру делает ответственной за победу идеи тоталитаризма и авторитарного государства Маркузе, один из наиболее влиятельных представителей Франкфуртской школы (4). Суждения Маркузе о том, что "празднества и торжества тоталитарного государства, его шествия и физиогномика, слова, произнесенные его вождями, задевают и трогают душу" (5), сохранили свою актуальность и в наши дни, ибо везде, где празднует свою победу тоталитаризм, его триумфальное шествие всегда сопровождается душераздирающими речами и душещипательными сценами единения вождя и народа. В подобной духовной обстановке и в самом деле не остается места для разума.

Все это стало печальной реальностью в политической жизни Грузии в начале 90-х гг. Явно незавидным оказалось положение грузинских интеллектуалов после замены одного тоталитарного режима - коммунистического - другим, не менее карикатурным - националистическим. Выработанный в течение десятилетий иммунитет против лживой патетики напыщенных и высокопарных фраз коммунистического толка оказался утраченным в широких массах общества. Эти удручающие перемены в психологии общества произошли с наступлением новой фазы тоталитаризма, аляповато, безвкусно и кустарно размалеванной националистической краской. В результате грузинские интеллектуалы оказались перед реальной опасностью духовного и умственного массового террора.

В этот, к счастью непродолжительный, период мракобесия, когда вожди нации самых различных рангов и масштабов стремились воодушевить и взбудоражить своими пламенными речами душу пребывающего в восторженном экстазе обывателя, искренне верившего в иллюзию национального суверенитета, как раз и произошла крайняя поляризация в обществе. Весь гневный пафос вождей, мастеров душераздирающих, эмоциональных фраз и зрелищ, был направлен против служителей разума, которым уже не помогали ни былой сарказм, ни былая виртуозно-элегантная поза иронии. Они, превратившись в презираемых изгоев, в ужасе один за другим покидали страну.

Эта беспощадная травля интеллектуалов повлекла за собой трагические жертвы. Безвременная смерть униженного и затравленного Мераба Мамардашвили явилась печальным примером подобного преследования. Наверное, после печальных событий 30-х гг. как раз 90-е гг. оказались самым сложным периодом в духовной жизни Грузии.

Дело в том, что иммунитетом, внутренним защитным механизмом против изолгавшегося пафоса и фальшивой геральдики коммунистического режима, обладали не только узкие круги интеллектуалов, но и более широкие слои общества. В свое время именно это обусловило атмосферу того морального комфорта, в котором приходилось самоутверждаться и самовыражаться духовной элите страны. Однако вместе с поступательным националистическим движением начал меняться и облик (габитус) общества, все еще пребывавшего в благодушно юмористическом расположении духа, ибо наибольший вклад основной массы населения в политику ограничивался наибольшей остротой застольного анекдота. Жизнь общества оказалась в состоянии статики затянувшегося застолья, ибо это застолье являлось суррогатом политической жизни. Однако с наступлением тяжелого похмелья большая часть общества пришла в движение, уверовав в собственную историческую миссию. Псевдогармоничную статику нарушила и заменила агрессивная динамика революционного выступления по любому поводу охотно бунтующей и митингующей массы.

Таким образом, в Грузии предперестроечного периода смутно вырисовывались контуры некоего подобия "одномерного общества" (eindimensionale Gesellschaft) (6) с атрофированным социально-критическим отношением к политической активности. Это общество, пребывавшее в относительном благоденствии, предоставлявшемся развитым социализмом, превратилось затем в носителя революционной инициативы обнищавшей, но псевдосуверенной страны.

Для более убедительной симуляции мнимой независимости и суверенитета бунтующей массе необходимо было отвергнуть от себя посредника, являвшегося на протяжении многих десятилетий связующим звеном между культурами Грузии и России. Носителем же этой интеркультурно-транскультурной миссии совершенно правомерно воспринимался именно круг грузинских интеллектуалов. Эмоциональное воспитание чувств общественных масс вождями нации не прошло бесследно, и вслед за ставшей ненавистной русской культурой возненавидели и ее знатока и ценителя - грузинского интеллектуала. Как раз в этом и заключается исключительная жестокость попытки отсечения, ампутации без наркоза от живого организма народа ее головной части, мыслящего органа. За этим последовала агрессия массы, сначала настороженно, а впоследствии уже явно злобно настроенной по отношению к интеллектуальной элите страны, которую отныне именовали не только "красной интеллигенцией", но и "агентурой Кремля". Это была тяжелая расплата за куртуазно-галантное заигрывание интеллектуалов с режимом, а также за виртуозно-ухищренное подыгрывание его примитивно-суровым правилам игры.

В этом заключалась личная трагедия интеллектуалов. Ошеломленные и оглушенные оскорбительными окриками, они с неким отчаянным высокомерием, вырождавшимся временами в цинизм, пытались отбиваться от атак своих бывших поклонников, ныне превратившихся в психологических террористов. Время этого трагического спектакля ушло в анналы истории, однако его батальные сцены, часто доходившие до трагикомизма, все еще продолжают жить в памяти и воображении бывших действующих лиц и исполнителей. Самая печальная, вызывающая страх и сострадание роль выпала на долю интеллектуалов так называемого среднего поколения, т.е. поколения отцов, которых в силу сложившейся политической ситуации и исторической реальности зачислили в списки советской "гуманитарной интеллигенции".

Таким образом, мы затронули один из важнейших аспектов интересующей нас проблематики, ибо, как утверждал Хосе Ортега-и-Гассет, "самым важным историческим понятием является понятие 'поколение' (7). Дело в том, что смена поколений, иначе говоря, рождение нового типа человека, отличного от того типа, который уже был, предопределяет перемены в тональности времени, так как "поколение - это некая экзистенциальная мода, которой неизбежно обязан следовать индивид"

(8). Сосуществование различных поколений во времени и в пространстве означает то, что современники не всегда являются сверстниками, ибо "три различных витальных времени сосуществуют внутри хронологического", это и есть то явление, которое Ортега-и-Гассет называет "сущностным анахронизмом истории" (9).

Единая историческая эпоха включает в себя три возраста, которые условно можно назвать поколениями дедов, отцов и детей. Если эту витально-возрастную схему приложить к тому социальному явлению, которое именуется грузинской интеллектуальной элитой, то вырисовывается весьма любопытная картина непростых отношений трех различных поколений или же приверженцев разных экзистенциальных мод.

Парадоксальным образом поколение дедов считалось советским, ибо как раз интеллектуалы этого поколения первыми удостоились чести носить высокое звание "советского интеллигента". Систематически проводимым на протяжении многих десятилетий жестоким чисткам и репрессиям в конце концов удалось почти полностью сломить и приручить это поколение. Парадоксальность ситуации заключалась в том, что интеллектуалы поколения дедов не являлись продуктом советского режима. В колхозный рай они оказались насильственно загнанными из своих колхидских дворянских усадеб, ибо в отличие от немецких "культуртрегеров", вышедших преимущественно из бюргерства, или же русских интеллигентов-разночинцев грузинские интеллектуалы большей частью были из "бывших", т.е. принадлежали к дворянскому сословию, так как изначально сфера образования и просвещения в Грузии была не бюргерско-буржуазной, а дворянско-сеньюральной прерогативой. На смену поколению затравленных и до смерти запуганных "советских интеллектуалов" аристократического происхождения пришло новое поколение - поколение отцов, которое уже являлось подлинным продуктом режима и в отличие от своих предшественников было лишено блистательной родословной книги, а также свидетельств об окончании всемирно прославленных университетов Европы. Воспитанные в более толерантной ситуации, когда режим стал менее кровавым, они с присущей южанам беззаботной уживчивостью раносозревших подростков уже не принимали всерьез ни махровый коммунизм, ни фанатический антикоммунизм. Однако, следуя определенному стилю жизни, некоей экзистенциальной моде своего поколения, эти люди именовали себя не иначе, как антисоветчиками, щеголяя при этом дерзкой и с виду безрассудно отважной фразеологией, не забывая при этом о пределах риска. И лишь с появлением совершенно нового поколения, т.е. поколения детей, можно уже говорить об асоветском поколении, напроць забывшем о существовании понятий "советское" и "антисоветское", ибо оно уже оказалось свободным от тяжести и обузы актуального исторического содержания этих понятий.

Как-то Ортега-и-Гассет сравнил поколение с "караваном", внутри которого каждый индивид добровольно движется вперед и каждый стремится быть "верным поэтом" своей эпохи (10). Три различных каравана движутся то навстречу, то мимо друг друга. В нынешней реальной исторической ситуации Грузии каравану среднего поколения, т.е. отцов, с болью и чувством безысходности приходится наблюдать за тем, как день за днем удаляются от него два остальных каравана. Один из них - караван стариков, покидая этот грешный мир, движется в мир иной, в небытие; караван же молодых без угрызений совести и чувства вины и ответственности за нынешнее положение страны стремительно направляется на Запад, в другой культурный мир, обходя Москву, воспринимавшуюся в свое время поколением отцов как центр Вселенной. Это поколение неожиданно для себя очутилось в трагическом одиночестве в опустошенной и разоренной стране. Оказавшись в растерянности и замешательстве, оно принялось с настойчивостью и упрямством усердного Сизифа бороться за возрождение угасающей духовности нации.

Эту духовность можно было бы представить в виде метафорического образа растительно-космического древа. Это древо мудрости и познания пустило свои корни в метафизическую почву национальной культуры. Крепкий ствол служит соединяющей осью мира подземных корней и тянущейся ввысь, к небу, вершины. Таким образом, функциональным назначением этой оси

является гармоничное воссоединение древних корней ветхогрузинского провинциализма со стволом и вершиной, стремящимися ввысь, к идее мировой культуры, к явно выраженным космополитическим умонастроениям.

Только с этой осью в последнее время дело обстоит весьма проблематично. Над древом нависла реальная угроза остаться без ствола. Воспринимавшаяся в свое время поколением отцов осью мира русская культура, воссоединяющая древнегрузинские корни с мировой культурой, молодым поколением интеллектуалов отвергается с явной неприязнью и отчуждением, ибо в отличие от отцов у них появился более обширный спектр выбора; однако это в свою очередь таит в себе большую опасность: безответственность и беспечное легковерие могут полностью профанировать идею культуры. Тем не менее корни дерева нуждаются в крепком стволе, сросшимся с ними естественно и органично. Иначе лишенные животворных импульсов корни могут засохнуть или, что еще хуже, могут возникнуть патологические, выродившиеся наросты в виде отвратительно-эклектической мешанины всякого рода культурных растений.

Таким образом, Грузия со своим новым постсоветским поколением носителей интеллекта вновь находится на перепутье, в мучительных поисках нового центра, нового средоточия, новых врат в большой мир.

Несколько вольная эссеистическая форма и способ изложения основной проблематики данной работы нередко подталкивают к преувеличению, провоцируют на утрирование, но одновременно предоставляют большую свободу в постановке вопросов и расстановке акцентов. Основной пафос представленной статьи заключается в стремлении разобраться в сущности феномена грузинских интеллектуалов. Чрезвычайно важно поэтому уяснить несколько серьезных вопросов: является ли грузинский интеллектуал чувствительным и впечатлительным регистратором явлений эмпирической действительности?; или же склонным к преувеличениям, фантазерствующим мифотворцем?; преобладает ли в его сущности способность глубоко анализировать или ловко синтезировать?

Основной целью представленной работы никоим образом не является навязывание готовых ответов на все эти вопросы. Если данная статья побудила хоть малейшее желание обсудить или даже оспорить отдельные положения работы, то можно считать, что главная задача настоящей студии хотя бы частично выполнена.

-
1. См.: Философский энциклопедический словарь. М., 1983. С. 210.
 2. Там же.
 3. См.: Valéry P. *La crise d'esprit. - Oeuvres.* Paris, 1957. P. 993.
 4. См.: Marcuse H. *Kultur und Gesellschaft*, I. Fr./M., 1980. С. 93.
 5. Там же. С. 95.
 6. Ср. Marcuse H. *Der eindimensionale Mensch.* Darmstadt u. Neuwied, 1967.
 7. См.: Ортега-и-Гассет Х. *Дегуманизация науки.* М., 1991. С. 11.
 8. Там же. С. 13.
 9. Там же. С. 12.
 10. Ортега-и-Гассет Х. *Цит. соч.* С. 12.